
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: 100 ЛЕТ НАЗАД

И.И. Глебова

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ВОЙНЫ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиведения ИНИОН РАН.

«Забытая война» – так все чаще стали у нас определять последнюю войну Российской империи 1914–1918 гг. в преддверие ее 100-летнего юбилея. В народе ее называли «германской», в левых кругах «империалистической», а с разворачиванием военного конфликта 1939–1945 гг. она получила имя Первой мировой. Все эти определения верны: они точно указывают, как в разные времена воспринималась у нас та война. Для нынешних россиян Первая мировая – «забытая», «ужажая» война. Ее как бы нет в национальной памяти, она не является чем-то важным, тем более установочным для нации.

О возвышении и репрессировании памяти

Для Европы война 1914–1918 гг. стала Великой – конечно, прежде всего для французов и англичан; немцы воспринимали (и воспринимают) ее по-другому. Однако в целом та война превратилась в одно из главных оснований европейских самоопределения и самопонимания. То, что Первая мировая – величайшее событие мировой истории, по существу открывшее XX век, – так по-разному вошла в память европейского и российского обществ, имеет свое объяснение.

Великой в памяти европейцев войны 1914–1918 гг. стала потому, что во многом сформировала современную Европу – ее устройство (политическое, социальное и пр.), ее проблемы, ее культуру. По существу, из войны 1914–1918 гг. вышел современный европеец. К тому же война задала Европе вполн-

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00061.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

не очевидную перспективу: неслучайно Вторую мировую многие воспринимали как непосредственное продолжение Первой.

Повторим: у нас это не так. «Забытая» Первая мировая, к примеру, не сыграла в русской истории (и для русской истории) одной очень важной роли. Она не произвела необходимого, как мы это теперь понимаем, «продукта». А вот в Европе сыграла – причем, как в стане победителей, так и среди поверженных.

Речь идет о культурной и мировоззренческой роли «потерянного поколения». Чтобы далеко не ходить за примерами, сошлемся на прозу Хэмингуэя, Ремарка, Олдингтона, Арагона и др. Если угодно, это поколение «произвело» модальный тип личности западной цивилизации 1920-х годов. Эти люди создали принципиально новую литературу и философию (экзистенциализм, персонализм). И эта литература, и эта философия на протяжении всего XX столетия оказывали (наверное, оказывают и поныне) сильнейшее воздействие на формирование европейского человека.

К нам это пришло лишь в 60-е годы прошлого века – но именно пришло: из Европы и Америки. Отсутствие подобного доморощенного опыта сильно обеднило и нашу культуру, и русскую личность. И даже такая талантливая генерация отечественных литераторов, как аксаковская, в полной мере не сумела восполнить этот пробел. При всем уважении к этой линии шестидесятничества признаем, что это была (в значительной мере) поздняя реплика западного опыта.

Можно сказать, что современная Европа вышла из Первой мировой войны. Современная же Россия – из революции; точнее, серии революций 1917 г. и Гражданской войны, а также социального переворота 1930-х годов¹. Вполне понятные усталость от войны, напряженное ожидание ее окончания разрядились у нас в Февральской революции, по существу поставившей точку в той исторической драме. Февраль как бы подменил собой победу; точнее, общество, народ разменяли победу в войне на революцию. С февраля 1917 г. главной темой для России стала сама Россия, а не мировой конфликт; страна переключилась на внутренние проблемы. Они перекрыли собой влияние войны; масштаб и воздействие событий 1917–1939 гг. оказались неизмеримо выше.

Революции 1917 г. выбросили Россию из стана победителей; несостоявшиеся победители ушли в Гражданскую войну. В 1920–1930-х годах у нас культивировалась память о революции как начале новой исторической эры, о закономерной победе «красной России» в Гражданской. Воспоминания о Первой мировой не только стали социально несущественны, периферийны, но и последовательно изгонялись, стерилизовались государственной полити-

---

1. Впрочем, и Россия вышла из Первой мировой – только в другом значении этого слова. Вышла, как выходят из поезда или трамвая на ходу, не дотерпев до остановки. Подобные выходы, как правило, заканчиваются трагедией.

кой. Вот один частный эпизод из частной же истории, отражающей картину большого прошлого. В 1938 г. за вредительскую деятельность, участие в антисоветском военном заговоре был арестован и расстрелян А.И. Верховский, генерал-майор, военный министр в последнем кабинете А.Ф. Керенского, служивший во время Гражданской в Красной Армии и с конца 1920-х преподававший в высших военных учебных заведениях². Одним из «доказательств» его причастности к подготовке терактов против руководителей партии и правительства послужил найденный при обыске наградной пистолет, полученный Верховским в 1916 г. за отличия в боях с немцами. Герои, участники Первой мировой в СССР были в массе своей репрессированы. Вспоминать о них и об их войне стало непринято, неловко, опасно. Память о Первой мировой в нашей стране была выбита, расстреляна. Ее отчасти использовали в период поражений 1941–1942 гг., а в остальном предавали забвению, искажали. Советская власть попросту не дала этой памяти состояться.

Окончательно тему Первой мировой закрыла в СССР Победа 1945 г. Это был своего рода реванши за недавнюю (менее 30 лет прошло) военную «недудчу», пик нашего самоутверждения в истории. Русские почувствовали себя и главными революционерами, и главными победителями – вообще, главными деятелями XX в. Потому именно 1945-й год окончательно сделал их советскими, смирил с советским. 9 мая 1945 г. – установочная для советского человека дата, сделавшая малосущественным весь прежний опыт. Советское в его сознании отчасти слилось с русским. При этом СССР культурно и ментально «возобладал» над исторической Россией, подчинил себе память о ней.

Как возвращаются воспоминания

Тот факт, что в современной России стали говорить о Первой мировой как о «забытой» войне, свидетельствует о стремлении вернуть ее в культурную память общества. И это тоже объяснимо. Возрождение памяти происходит на волне общего подъема интереса к военной истории. Ее двигатель – тема Победы в Великой Отечественной войне. Именно на этом событии строятся самопонимание и самоидентификация российского общества, в нем оно находит себе оправдание, источник жизненных сил.

Так сложилось, что в России каждое новое поколение конституируется через войну – память о прошлой великой Победе и ожидание будущего столкновения с внешним врагом. В XIX в. точкой отсчета была Отечественная 1812 г., в 1920–1930-е годы жили воспоминаниями о революции / Граж-

2. См. недавнюю публикацию фрагментов его военного дневника: Верховский А.И. Бессознательное чувство долга (*Россия на Голгофе: Из походного дневника 1914–1918 гг.*) // Стратегия России. – № 1. – М., 2014. – Янв. – С. 87–96.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

данской и предчувствием мировой войны. Послевоенные поколения самоопределялись через войны Отечественную и «холодную». Новизна настоящего момента – в том, что у общества нет исторически близкой «своей» войны (афганская, чеченская и т.п. на эту роль не подходят) и реальной (а не имитационной) нацеленности на будущее военное противостояние. Поэтому основой нашего самоопределения может быть и является теперь только Отечественная. Это наша Великая война – как Первая мировая – для европейцев.

В определенном смысле войны 1914–1918 гг. призвана составить в памяти россиян фон для Великой Отечественной – служить для нее резонатором, усиливая ее величие, ее победный блеск. Для нее самой это шанс на «улучшение»: подпитавшись энергетикой победной Отечественной, она может стать, наконец, для России «своей» войной. Сейчас для этого очень подходящий момент. Возрождением памяти о Первой мировой как бы восстанавливается связь не только двух глобальных войн XX в., но и советской истории – с дореволюционной. Через мировые войны, рассмотренные в основном в победно-парадной логике, можно протягивать связующие нити и дальше в прошлое: к Отечественной 1812 г., ко всем воспоминаниям о доблести и славе русского оружия, будящим в россиянах восторг и гордость за себя. Тем самым реализуется популярная в наши дни идея исторического синтеза, обеспечиваются целостность и непрерывность российской истории.

Правда, при таких реализации и обеспечении возникают разного рода казусы, исторические недоразумения. У нас, к примеру, до сих пор остается не выясненным вопрос: когда для России закончилась Первая мировая война? Сегодня вполне здравой стала тенденция назначить ее русским финалом Брестский мир. Это, собственно говоря, советская точка зрения, давно нам известная. Однако в новом историческом контексте и она становится неожиданно новой.

Теперь Первая мировая в нашей памяти – уже не империалистическая по преимуществу, а отчасти даже и Отечественная (кстати, так и называли ее в 1914 и 1915 гг. патриотически настроенные публицисты). Конечно, реабилитация войны 1914–1918 гг. (ее трактовка как очередного исторического подвига России) вступает в логическое противоречие с попыткой «завершить» ее Брестским миром, «позорным» и «похабным» (Ленин). Но в том-то все и дело, что такая комбинация совершенно соответствует нынешнему типу исторического самоопределения российской власти и ее идеологов. Этот тип сознания не боится никаких противоречий (в том числе и моральных). Ведь если бы правящий режим признал выход из войны и тот мир действительно пошорным и похабным, то за этим неизбежно следовал бы ценностный пересмотр начального этапа существования советской власти (ее рождения и мужания). А за этим – и всего советского.

Тогда получается, что СССР вырос из беспрецедентной (как для нашего Отечества, так, наверное, и для всех стран мира) национальной измены. За то,

чтобы сохранить свою власть и развязать Гражданскую войну, большевики не только пожертвовали огромными пространствами и многочисленным населением, но и перечеркнули жертвы и подвиг русского народа, действительно достойно сражавшегося на фронтах Первой мировой. Брестским миром они спасали не Россию, а свою революцию. За это их вождь, 90-летие смерти которого ознаменовалось линией на реабилитацию (восстановлением его исторического величия, возвращением в общественную память как положительного символа революционного, партийного, советского), готов был сдать Петроград, отступить за Урал. Совсем как в 1812 г. Александр I – во имя спасения России (за готовность дойти аж до Тихого океана, но не сдаваться врагу его насмешливо стали называть при дворе императором Камчатским).

Государство, неважно по каким причинам называвшее себя правопреемником СССР, и общество, всеми своими нитями связанное с советским, восстанавливавшее мемориальные доски Брежнева и Андропова и тоскующее по Сталину, никогда – в обозримое время – не признают ни факта этой национальной измены, ни преступности советского режима. Отсюда и непрямое, но совершенно очевидное оправдание Брестского мира. Надо сказать, даже отец этого мира Ленин относится к нему определенное и прямое (по-своему, разумеется).

Первая мировая для России – не проигранная, а незавершенная война, причем обидно незавершенная: она должна была, но не успела окончиться победой. Военные события 28 июля 1914 – 3 марта (ст. ст.) 1917 г. никогда не порождали необходимости капитуляции или переговоров типа Брест-Литовских. Россия не просто не могла проиграть войну в начале 1917 г. – в военном отношении она была готова к победе. Это понимали руководство армии и ее верховный главнокомандующий – именно желанием победно завершить почти трехлетнюю военную эпопею во многом объяснялось отречение.

По существу, «слабый и безответственный» Николай II пытался разместить корону на победу, себя на Россию – об этом свидетельствует его последнее обращение к войскам³. Чтобы победить, нужно было продолжать войну,

3. «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые войска... Нынешняя небывающая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его – тот изменник своего Отечества, предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваши долг как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию из всех сил. Слушайтесь ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы только на руку врагу...» Как бы высокопарно это ни звучало, отречение было для Николая II жертвой, подводившей черту под его жизнью (видимо, неслучайно после этого он много читал о русской Смуте и Французской революции). Ни современники ни потомки жертву не оценили: считали и считают отречение проявлением слабости, малодушия, уходом от ответственности. Вину за падение империи, за революционный хаос вменяют последнему царю. В этом

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

но это оказалось невозможно по внутренним причинам. Россия царская, не потерпев военного поражения, пала; ее падение «закрыло» победную перспективу. Военные неудачи 1917 г. и Брестский мир – дела России революционной. Это не доигрывание Первой мировой, но разворачивание Гражданской. Брест принадлежит другой войне; он был возможен тогда и понятен сейчас только в контексте внутреннего социального противостояния.

О потенциале памяти

Конечно, Первая мировая война интересна и российскому правящему классу ироссийскому обществу не только как дополнительное воспоминание, своего рода поддержка памяти о главном: Победе в Великой Отечественной. Сейчас, как никогда, актуальны темы столетней давности, непосредственно связанные с войной 1914–1918 гг.: распад империи, отношения власти и общества, синдром врага (внешнего и внутреннего), механизм революции, отношения России и Европы. Сквозь призму опыта Первой мировой войны эти сегодняшние проблемы видятся иначе, приобретают особый – исторический – смысл.

«Забытая» нами война – вполне современное событие. Не древности и давности, а уже наша автобиография. Причем это событие для нас в той же мере установочное, что и для Европы. В войне 1914–1918 гг. интенсифицировался процесс перемола традиционно-патриархальной социальности, рождалось современное – т.е. массовое – российское общество. Она окунула нашего человека в экстремальный опыт выживания и насилия, с которым он не мог развязаться почти весь XX в. В ней сложился тот человеческий тип (или человеческие типы), который стал модальным для раннесоветского мира: «помазанный» войной, нацеленный на воспроизведение новых – массовидных, технизованных, анонимных, чрезвычайных – социальных форм, управляемых технологий. Этот человек строил социализм и разрушал прежнюю общественную жизнь, воевал, умирал, побеждал, восстанавливал. Он создал современную страну, поэтому наша связь с ним до сих пор неразрывна.

В этом и во многих других отношениях Первая мировая – история для современного человека: она позволяет понять мир, в котором мы живем. Переживание таких историй и делает русского русским, давая ощущение принадлежности к этим пространству, традициям, культуре. Однако, возрождая это событие в памяти, важно не совершать старых ошибок, уже исказавших наши воспоминания.

есть логика: в русской системе персонификатор отвечает за всё. Но нет правды: образ Николая II, впечатанный в массовое сознание с советских времен, так же мало соответствует истории, как наша память о Первой мировой.

Война 1914–1918 гг. – это первый для России в ХХ в. опыт мирового противостояния и сотрудничества. Было бы непростительным упрощением превратить эту войну только в «свою» – событие исключительно национальной истории. Напротив, она дает нам основание для интеграции в единое европейское пространство памяти, истории, культуры («евроинтеграции»). Нельзя закрыться и от многих «внутренних» смыслов Первой мировой, сведя ее к одному, сейчас модному: «гром победы, раздавайся!»

В понимании той войны во всей ее сложности – ключ к осмыслиению революции, «родившей» СССР. Но препятствием для такого понимания является советский опыт. До сих пор наша память (в значительной мере и наша наука) находится в пленах того представления о войне 1914–1918 гг., которое сложилось в советское время. Историческая легитимация советской власти требовала решения большой задачи: опорочить царизм, весь дореволюционный строй русской жизни. Официальный взгляд на Первую мировую (а другого, напомню, не было) был подчинен этой задаче. Он базировался на презумпции неизбежности (исторической закономерности) военного поражения, которое подтверждало недееспособность, бессилие, разложение царской России. Этот взгляд, ставший одним из оснований мировоззрения советского (и постсоветского) человека, препятствует познанию войны, ее интеграции в национальную память. Он должен быть и неизбежно будет пересмотрен.

И тогда у нас появятся совсем иные, чем раньше, вопросы к Первой мировой. К примеру: чем так неподходяща была она на Отечественную 1941–1945 гг. – почему не стала для России священной войной, почему Победа в ней не превратилась в национальную задачу? Иначе говоря, почему «военно-отечественные» смыслы не стали для Первой мировой определяющими, сдали позиции смыслам революционным? Только ответив на этот вопрос, мы поймем, каково место войны в нашей истории. А оно, повторим, вовсе не проигрышное, как мы его традиционно понимали.

Первая мировая была вытеснена на периферию российской памяти как историческая «неудача» (так она воспринималась и воспринимается теперь): не завершившись, подобно войне 1941–1945 гг., убедительной и блестящей победой, она выглядела как цепь ошибок, неудач, поражений, предательств и т.п. Нам долго казалось: здесь нечем гордиться. Конечно, Первая мировая несопоставима со Второй – для нас Отечественной. Не стала она вровень и с войной 1812 г., юбилей которой страна торжественно отметила буквально накануне 1914 г. Первая мировая не подчинила себе всю жизнь страны и все жизни, не заставила весь народ пойти на всеобщий подвиг, стоять на смерть, забыв о цене побед и поражений. В ней не шла речь о жизни и смерти народа, о самом его существовании в истории. И логика власти не определялась тогда

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

формулой: «любой ценой», которая в действии способна на столетия вперед обескровить любой народ.

Были и еще причины, по которым Первая мировая не могла стать Отечественной, в отличие от войн 1812 и 1941–1945 гг. В начале XIX в. русское общество после столетнего обучения у Европы было готово к созданию собственной современной, мирового уровня культуры. Но для этого требовался какой-то важнейший и, может быть, даже единственный обряд инициации. Все великие культуры рождаются из подвига. Или, другими словами, подвиг является главным импульсом для формирования высоких культур. Так было начиная с Древнего мира. Так родились, к примеру, современные Соединенные Штаты. У нас это произошло в 1812 г. Мы не можем представить себе ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Л. Толстого, которые и есть великая русская культура, вне и без этого события.

В 1941 г., к осени, мы оказались на краю пропасти. И вновь, как за 130 лет до этого, огромная страна всталла – поднялась дубина народной войны. Но и тогда была еще одна причина для всеобщего подвига – для начала Великой Отечественной. Она, конечно, рационально не осознавалась, но ощущалась наиболее проницательными людьми. Как всегда в России, это поэты: от Ахматовой и Пастернака – до молодежи, создавшей военную лирику. На исторической повестке дня стояли две задачи, которые волею судьбы слились в одну: спасение Родины от того безусловного зла, которое несли немецкие армии, и освобождение себя от более чем 20-летнего перманентного большого террора. Этот террор таил в себе не меньшие опасности, чем германец со свастикой. Так случилась вторая Отечественная, так был сотворен второй в российской истории народный подвиг. Современная Россия во многом есть результат этого подвига.

В 1914 г. ничего этого не было – ни экзистенциальной угрозы Отечеству, ни необходимости формирования новой культуры, ни настоятельной потребности остановить самоуничтожение (перманентную внутреннюю войну). Россия жила в своем «золотом веке». Места для национального подвига в той ситуации не было. Поэтому Первая мировая – при всей ее трагичности (а трагична любая война), невиданном (по существу, планетарном) масштабе, убийственной технологичности (это первая война новой – массовидной, механистической – эпохи, нормализовавшая практику массового анонимного убийства) – оказалась для России просто войной, не более и не менее.

Первая мировая и европейская гражданская

Для нас война 1914–1918 гг. гораздо важнее не в военном, а в социальном отношении, так как она ввергла Россию – вместе со всей Европой – в чрезвычайно сложный и трагический процесс. Первая мировая разожгла пла-

мя европейской гражданской (внутренней, социальной) войны, которая раньше всего вспыхнула в России. В одних странах эта гражданская война привела к установлению идеократических диктатур, в других – к обострению классовой борьбы, которую все-таки удалось курировать. Но для этого понадобилась выработка принципиально новых мировоззренческих, социальных, организационных технологий. И в этом смысле странный, казалось бы, призыв Ленина: превратить войну империалистическую в войну гражданскую – имел под собой реальную основу. Ленин по-своему и преследуя собственные, весьма определенные цели, верно уловил одну из главных тенденций социального развития, которую принесла Первая мировая.

По всем внешним показателям это была война национальных государств и национальных культур. В первые ее дни классовое замирение произошло абсолютно во всех странах-участницах, включая Россию. Но затяжной, крайне изнурительный характер войны, к которому оказались психологически не готовы не только будущие побежденные, но и будущие победители, во многом разрушил культурно-цивилизационную оболочку человека, обнажив в нем архаичные инстинкты войны всех против всех. Это и был переход к гражданской войне в общеевропейском масштабе.

Побежденные – немцы и русские – вышли из нее, повторю, через установление крайне жестких диктатур. Победители – французы и англичане – на протяжении межвоенных десятилетий с помощью тех самых новых технологий пытались восстановить у себя социально-психологическое равновесие. Оно, однако, оказалось зыбким в обеих сферах – и в социальной, и в психологической. Под покровом мира царили смута, растерянность, потерянность. В том числе и этим объясняется, к примеру, полная неготовность французов ко Второй мировой⁴.

Известно, что межвоенный период стал самым серьезным испытанием для западной либерально-плуралистической цивилизации: целый ряд ее фундаментальных принципов был поставлен под вопрос. Выскажу предположение: великий экономический кризис 1929–1933 гг., как океанический тайфун, прошедший по США и Европе, имел своими причинами не только экономические противоречия и болезни, но и психологические. Принято счи-

4. Раймон Арон, французский социолог и политический мыслитель, говорил: «Тридцатые годы я прожил, обуреваемый чувством горечи от сознания того, что Франция приходила в упадок. Мне казалось, что она погружается в небытие. Уже нельзя было не предчувствовать грозящей ей военной катастрофы... Я остро, с глубокой грустью переживал этот упадок и был одержим одной мыслью – избежать гражданской войны... Многие окружавшие меня французы отдавали себе отчет в нашем упадке... Я... никогда не испытывал... чувства исторической, если можно так выражаться, горечи. Ибо после 1945 г. Франция преобразилась» (Арон Р. Пристрастный зритель. – М.: Практис, 2006. – С. 89–90).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

тать, что в ходе и после окончания этого кризиса значительная часть западного общества впала в психологическую депрессию. Думаю, такая депрессия была не только следствием, но и, повторю, причиной кризиса. То есть сам кризис явился следствием той депрессии. Вот еще один глобальный результат Первой мировой. В целом Европа покончила с гражданской войной только в следующей мировой.

Вообще, ситуацию 1914–1945 гг. можно в некотором отношении уподобить Тридцатилетней войне XVII в. (1618–1648). Из той мировой вышел новый порядок, основой которого стало национальное государство. В Европе совершился переход от религиозной идентичности к государственно-политической. В результате 30-летней войны XX в. (1914–1945) перешли от национально-классовой (от nation state и классовой дифференциации общества) и социально-дифференцированной идентичности к наднационально-гуманистической и социально-примирительной. В этом значение событий, которые произошли в мире (прежде всего в Европе) в середине XX столетия.

Надо сказать, что Россия оказалась вне этих трансформаций. Впрочем, как и всегда. В первую 30-летнюю войну она отметилась неудачной осадой Смоленска (1632–1634) и вполне эффективной помощью протестантским государствам – прежде всего Дании, которая получала от нас зерно по сниженным ценам (как сегодня получает газ Белоруссия и до недавнего времени получала Украина). И в 30-летней войне XX в. у России совершенно особое место, ничем не похожее на ситуацию XVII столетия. Ситуация в Европе складывалась так, что СССР–Германия оказались на одной стороне. Однако именно Россия–СССР суждено было сыграть решающую роль в уничтожении главного зачинщика европейской войны – Германии. СССР уничтожил силы европейской социально-гражданской деструкции и, как оказалось в перспективе, обеспечил победу силам социального консенсуса / согласия.

Взгляд на Первую мировую войну с точки зрения общеевропейских результатов / последствий, вероятно, и должен стать определяющим для ее изучения. Прежде всего у нас, в России. В этом ракурсе иначе выглядят и сама война, и советская история.

О Великой войне и Великой революции: Диалектика воспоминаний

Что же касается возрождения в современной России памяти о войне 1914–1918 гг., то об этом необходимо сказать еще следующее. Кажется, что таким образом мы (мы: это общество, власть – вместе, помогая друг другу) пытаемся нейтрализовать и заместить воспоминания о революции 1917 г. Они были установочными для «старой» (советской) системы, но в нашем «новом» мире оказались необязательными, ненужными, излишними. Когда-

то революция вытеснила из нашей памяти Первую мировую войну – теперь, почти через столетие, происходит обратный процесс.

Революция для нынешних россиян (и для «управляющих», и для «управляемых») – это проблема, с которой мы не хотим и не можем разбираться. Именно потому, что ответив на вопрос: «чем была русская революция?», мы со всей определенностью скажем – «кто мы». В современной России и такие вопросы, пугающие своей серьезностью, и ответы на них неактуальны. Она бежит от проблем и сложностей, от определенностей – и в отношении прошлого, и в отношении будущего. Имеет значение только настоящее – как бытовое обустройство, текучка, сиюминутность. Но оно утомляет и разочаровывает, пугает неподконтрольностью и отсутствием уверенности в будущем. Чтобы выжить в нашем настоящем, нужна опора.

Такой опорой для современных россиян стала память – не история, многообразная, сложная, подчас трагическая и большей частью прозаическая негероическая (ведь такова человеческая жизнь), а ее идеализированные образы, представления, воспоминания, дающие счастливое забвение. Современная Россия как в убежище укрывается в иллюзорном мире сконструированного прошлого, перекрывает им тяжелую, малопонятную реальность. Она живет, ностальгируя, вне истории (факты – то, как было «на самом деле», – не имеют над ней власти), разменяв на утопические грэзы реальные перспективы. Воспоминания о славном, героическом, великом прошлом отчасти успокаивают, гася сомнения и неуверенность в себе, отчасти будоражат, заводят, возбуждают, требуя подтверждения: новых побед – правда, не над собой (внутренним преобразованием, улучшением российской жизни), а над другими.

В последнее десятилетие главным символическим убежищем было для многих нас советское прошлое. В нем мы обрели свой «золотой век». Теперь зоной побега от сложностей настоящего, неопределенности перспектив и вопросов, которые ставит перед нами история, становится и Первая мировая война. На наших глазах происходит ее glorизация (прославление, воспевание), в связи с ней раздувается пафос исторической обделенности России (она всем пожертвовала и все потеряла, плоды ее победы присвоены). Образами великой, но забытой войны может быть перекрыта революция, замаскирован смысл этого главного события русской истории XX в. Попытка инкорпорировать войну 1914–1918 гг. в исторический фундамент легитимности нынешнего режима и национальной идентичности определена, на наш взгляд, именно этой логикой.